

Прошла половина ночи, и небо начало светлеть. Дуань Минчэнь велел Ло Циню отдохнуть, вышел, чтобы дать указания слуге приготовить лекарство, а затем подошёл к двери комнаты Гу Хуайцина, желая извиниться. Однако его ждал холодный приём.

Выяснилось, что Гу Хуайцин уехал на лошади. Дуань Минчэнь беспокоился, но не мог оставить свой пост. Ло Цинь и несколько его подчиненных были ранены, и, если дунъянские наёмники вернутся, возникнут проблемы. Он вынужден был остаться в трактире, ухаживая за ранеными и охраняя Сянъе Сюнфэя.

Дуань Минчэнь подумал, что их сил недостаточно, и, если враги снова нападут, они могут не выстоять. Поэтому он вызвал наименее пострадавшего гвардейца, написал письмо и отправил его в ближайший гарнизон гвардии в парчовых халатах с просьбой о подкреплении.

Однако первым вернулся Гу Хуайцин, за которым следовал отряд из сотни солдат. Судя по их обмундированию, это были местные войска. Офицер, шедший за Гу Хуайцином, непрерывно с ним беседовал, проявляя чрезвычайную любезность.

Дуань Минчэнь несколько раз пытался заговорить с Гу Хуайцином, но тот был холоден и намеренно переводил разговор на офицера. Дуань Минчэнь остался ни с чем. Несмотря на свою проницательность, он не знал, как успокоить человека, и оказался в тупике.

Вскоре вернулся гвардеец, посланный Дуанем Минчэнем, с подкреплением. Теперь в городке было полно солдат.

Не желая задерживаться, Дуань Минчэнь оставил нескольких человек ухаживать за Ло Цинем и повёл отряд, везя с собой Сянъе Сюнфэя. С большим количеством людей скорость движения снизилась, но, возможно, из-за их численности дунъянские наёмники больше не нападали, и путь был спокойным.

Следующие два дня они провели в пути. Гу Хуайцин и Дуань Минчэнь почти не разговаривали, лишь обменивались формальными приветствиями, и их отношения, казалось, в одночасье вернулись к первоначальной холодности.

Дуань Минчэнь не хотел портить отношения, но все его попытки наладить контакт разбивались о стену молчания. Гу Хуайцин игнорировал его, оставаясь холодным. Тогда Дуань Минчэнь решил, что Гу Хуайцин всё ещё в гневе, и лучше подождать, пока тот остынет, а потом уже пытаться его задобрить.

Гу Хуайцин же, будучи человеком с характером, задрал нос в ожидании, что Дуань Минчэнь первым пойдёт на мировую и станет заискивать. Но тот вёл себя так, будто ничего не произошло, и даже слегка отдалился, отчего и без того скверное настроение Гу Хуайцина стало ещё хуже.

Через два дня они прибыли в область Цинчжоу. Цинчжоу, расположенный у Восточного моря, славился мягким климатом, богатством ресурсов и обилием талантов. С древних времён это был процветающий край. Они остановились на ночь за пределами города.

Гу Хуайцин, находясь в скверном расположении духа, отправился в город один, чтобы развеяться.

Войдя в Цинчжоу, Гу Хуайцин бродил по улицам, наблюдая за оживлённой жизнью. Широкие улицы были застроены роскошными магазинами, а торговцы с разными акцентами громко зазывали покупателей. Товары здесь отличались от столичных, и многие были привезены из

заморских стран.

Местные обычаи казались более вольными, чем в столице, и на улицах можно было увидеть много молодых женщин, хотя их лица были скрыты шляпами с вуалями.

Гу Хуайцин прогулялся некоторое время и почувствовал голод. Подняв глаза, он увидел перед собой величественный ресторан и вошёл внутрь.

Слуга украдкой его оглядел. Этот господин не был одет в роскошные шёлковые ткани, как местные богачи. Его иссиня-чёрные волосы были собраны в пучок нефритовой заколкой, а на нём был простой белый халат цвета лунного света с едва заметным узором из жимолости по подолу и воротнику. Несмотря на простоту фасона, ткань была высшего качества, что лишь подчёркивало его прекрасное, не имеющее равных лицо и стройную, словно выточенную из яшмы, фигуру. Он был невероятно красив.

Не только слуга, но и почти все посетители ресторана устремили на него взгляды. Многие женщины прикрывали лица кружевными веерами, украдкой наблюдая за ним сквозь прорези.

Гу Хуайцин не любил, когда на него пялятся, и, будучи и без того не в духе, невольно нахмурился.

Слуга, будучи сообразительным, заметил его недовольство и быстро проводил на второй этаж, в отдельный кабинет для почётных гостей. Там было меньше народа и царил уютная атмосфера. Гу Хуайцин остался доволен и щедро наградил слугу серебряной монетой, что вызвало у того широкую улыбку и ещё большее рвение в службе.

Не зная местных блюд, Гу Хуайцин попросил слугу порекомендовать что-нибудь особенное. Тот, стараясь угодить, выложил на полную. Вскоре стол ломился от изысканных яств и прекрасного вина.

Кухня в этом ресторане славилась своим искусством, и Гу Хуайцин, будучи ценителем прекрасного, обычно наслаждался трапезой. Однако сегодня у него не было аппетита. Он лишь прикоснулся палочками к нескольким блюдам, а затем взял кувшин и начал наливать себе вино, погружённый в мрачные мысли.

Слуга, сделав круг, вернулся и увидел, что этот прекрасный, словно небожитель, господин лишь пьёт в одиночестве. Поняв, что у того на душе тяжело, и желая угодить, он ловко подал идею.

— Господин, — тихо сказал он, подойдя ближе. — У нас здесь, помимо изысканных блюд и вина, есть одно особое развлечение. Не желаете ли взглянуть?

Гу Хуайцин равнодушно ответил:

— О? Что же это за развлечение?

Слуга загадочно улыбнулся:

— Подождите немного, я сейчас всё устрою.

Гу Хуайцин не стал возражать, лишь кивнул, и продолжил пить. Через мгновение у двери послышались шаги — лёгкие и тяжёлые.

— Господин, я привёл их, — доложил слуга, и дверь тихо открылась.

На пороге стояла юная девица в алых одеждах, держащая в руках цинь. За ней следовал старик с морщинистым лицом, несущий барабан.

Гу Хуайцин бегло взглянул на них и безразлично произнёс:

— Я думал, что-то особенное, а это просто певцы.

Слуга заулыбался:

— О, господин, вы не знаете! Наши певцы не чета другим. Эта девица и её отец — бывшие придворные музыканты королевства Корё!

— Правда? — Гу Хуайцин, услышав о Корё, слегка оживился и внимательнее посмотрел на них.

Краснолюбая девица обладала лицом, круглым, как серебряное блюдо, тонкими бровями и глазами-щелочками, а её вишнёвые губки были подкрашены тёмно-алой помадой. Её наряд отличался от одежды женщин Великой Ци: пояс платья был завязан не на талии, а высоко под грудью, а широкие полы юбки стелились по полу.

Гу Хуайцин вспомнил, как впервые увидел принцессу Корё Ли Цзинхуа — та была одета подобным образом. Взглянув на цинь в руках девушки, он заметил, что инструмент был длиннее китайских циней и имел тринадцать струн, совсем как тот, что стоял в покоях Ли Цзинхуа.

Гу Хуайцин вспомнил мелодию, которую слышал, когда передавал указ принцессе, и в душе его что-то дрогнуло.

— Спойте что-нибудь из ваших родных песен, — сказал он. — Что-нибудь печальное и прекрасное.

Девица слегка удивилась, но покорно склонилась в поклоне. Она подобрала широкие полы юбки, опустила на колени, положила цинь на бёдра и приняла изящную позу. Её нежные пальцы коснулись струн, и она, слегка приоткрыв алые губки, завела тихую, протяжную песню. Старик за её спиной держал маленький барабан и время от времени отбивал такт, вторил ей.

Хотя Гу Хуайцин не понимал слов, мелодия была нежной и печальной, вызывая чувство глубокой, томительной тоски. Он полузакрыв глаза, слегка постукивая пальцами в такт.

Когда песня закончилась, Гу Хуайцин улыбнулся и достал золотой листок, чтобы наградить их.

Старик обрадовался, но девушка отказалась:

— Это слишком щедро. Одна песня не стоит такой награды.

Гу Хуайцин ответил:

— Ничего. Спойте ещё несколько песен — и будет в самый раз.

Девица, после нескольких вежливых отказов, приняла подарок и, получив щедрую награду, исполнила ещё две песни с большим усердием.

Когда она запела третью, Гу Хуайцин узнал мелодию. Хотя он не был большим знатоком

музыки, память у него была отменная, и он быстро вспомнил, что это была та самая песня, которую пела принцесса Корё, когда он вручал ей императорский указ.

Гу Хуайцин сосредоточенно слушал, но почувствовал, что голос девушки, хотя и красивый, не передавал той искренности и глубины чувств, что были в пении принцессы. В голосе Ли Цзинхуа звучала подлинная печаль, словно исходящая из самой глубины души, способная тронуть сердце.

Гу Хуайцин тихо дослушал до конца, наслаждаясь послевкусием мелодии, а затем открыл глаза и спросил:

— Эта песня очень трогательна. Как она называется?

Девушка из Корё ответила:

— Это народная песня нашего Корё. Называется «Разлука».

— «Разлука»... — повторил Гу Хуайцин. — Хотя я не понимаю слов, мне кажется, что в ней рассказывается печальная история.

<http://bllate.org/book/16283/1466935>